

Игорь РОДИНКОВ

**МИФЫ И БЫЛИ
КУЛИКОВА ПОЛЯ**

16+

Игорь Родинков

Мифы и были Куликова поля

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Родинков И. А.

Мифы и были Куликова поля / И. А. Родинков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Куликово поле до сих пор окружено тайнами, загадками и мифами. Историки и лжеисторики, археологи и просто любопытные все спорят и спорят, где же было место Куликовской битвы. Для меня однозначно - на территории Тульской области там, где речка Непрядва впадает в реку Дон. Перед вами не научный спор, а повесть о событиях, связанных с Куликовской битвой. В оформлении обложки использованы фрагменты картин А.П. Бубнова "Утро Куликовской битвы", М.А. Авилова "Поединок на Куликовом поле", П. Попова и В. Маторина "Удар Засадного полка".

© Родинков И. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вступление	5
Накануне	7
На пути к Дону Великому	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вступление

Куликово поле до сих пор окружено тайнами, загадками и мифами. Историки и лжеисторики, археологи и просто любопытные всё спорят и спорят, где же была Куликовская битва. Одни говорят: около стен Москвы, другие – в Рязанской земле, третьи – в Воронежской земле и т. д. Главным аргументом против того, что битва была на Куликовом поле, там, где Непрядва впадает в Дон, является тот факт, что, мол, нет явных больших археологических находок.

Не буду вступать в этот спор. Для меня важнейшим аргументом в пользу того, что именно на Куликовом поле, что сейчас в Куркинском и Кимовском районах Тульской области, была знаменитая битва, является особая энергетика, или святость этого места. Куликово поле манит к себе. И далеко не каждому раскрывает свои тайны.

А тем, кто стал гостем этого удивительного места, оно порой посылает сокровенные мысли и слова, как, например, автору этих строк:

«Небо. Васильковое небо. Какое глубокое васильковое небо! Почему-то, когда смотришь на такое глубокое васильковое небо, звучит голос, но не твой, а в тебе. Тихо-тихо: «Домой... Домой... Домой...». Это истосковавшаяся душа рвется к Богу! Ищет душа Отца, чтобы, торопясь и сбиваясь, поведать Ему о своих земных страданиях, лишениях и скорбях; о боли и страхе! И, выговорившись, со слезами припасть к Творцу и утешиться на груди любящего Отца!!!

Сейчас-сейчас! Сейчас я поднимусь, легко оттолкнувшись от земли! Вперед! Вверх, к Отцу, видимо, пришел должный час! И пусть надоевшее тело осталось лежать среди степных ковылей. Отче, помилуй мя! Прими блудного сына...

Люди! Как много людей. Как много людей стоит в тишине! Почему они все молчат? Почему их взгляды устремлены на меня? Почему в их взглядах страх, сочувствие и радость?! Да, великий воин этот азиатский исполин. Сколько знатных бойцов приняли смерть от его беспощадной руки?! Есть от чего устрашиться! Потому в их глазах страх! Знаю, братья, что сей поединок – погибель моя, и не надо жалости, ибо за вас, други, полагаю душу свою! И ныне возрадуемся, братья, яко с нами Бог!!! Кого убоимся?!

Конь мой, сердечный мой брат, верный мой товарищ в жарких сражениях, или ты струсил?! Ну, не робей, одолеем нехристей, яко с нами Бог! Кого убоимся?!

Пора! Простите меня, братья, Христа ради!

«Бог простит!» – словно тихий шелест летит над нестройными рядами. «Бог простит!».
«Господи, помилуй мя грешного!».

Хэй! И безжалостный металл впивается в конскую плоть. Хэй! И огненная волна накрывает разум. Хэй! Хэй! Хэй! И нет боли, нет страха, только сердце рвется из груди! Хэй! Хэй! Хэй! И знает конь о близкой кончине седока и, не щадя себя, неистов в последнем служении. Хэй! Хэй! Хэй! Трещат кости, рвутся жилы, стонет плоть, но нет боли. Быстрей стрелы, быстрей мысли, наперегонки со степным горьким ветром. Хэй! Хэй! Хэй! Летит, не касаясь земли, конь, а на нем – всадник в черной схиме, с копьём наперевес. Черный всадник Армагеддона!.. Яко с нами Бог!

Что тверже всего на свете? Алмаз?! Нет, лжете! Нет ничего прочнее воли человеческой, выкованной в кровавых сражениях. Нет ничего крепче воли человеческой, закаленной болью поражений и радостью побед! Нет ничего острее воли человеческой, отточенной молитвой и постом! И летит эта воля над землей, неумолима и тверда! И нет такой силы, которая остановила бы ее... Яко с нами Бог!

Вот он – момент истины!словно в самом длинном сне, неудержимая воля прошивает плоть исполина вместе со щитом и доспехами, словно масло. Пронзает воина насквозь, прихватив по пути, ненароком, из тела и его душу! Но слишком силен воин, и содрогается земля

от удара и стонет! Дети земли, услышьте скорбный стон матери вашей. И всех, видевших этот поединок, леденящим легким ветерком коснулась смерть... Немногим посчастливится увидеть багряный закат...

Небо! Васильковое небо! Какое глубокое васильковое небо! Отец, не остави мя! Прими своего сына...».

Да, Куликово поле привлекало и привлекает много златострунных певцов. Вот и Александра Блока оно не оставило равнодушным:

*Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь – степной, наш путь в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы ночной и зарубежной –
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...
И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!*

А. А. Блок. Из цикла стихотворений «На поле Куликовом». 1908 г.

Накануне

Как известно, могучее Древнерусское государство, Киевская Русь, несколько столетий успешно отражавшее нашествия азиатских орд, распалось на отдельные феодальные княжества. Новых завоевателей теперь встречало не общерусское войско, а разрозненные дружины и ополчения отдельных князей и городов.

И теперь, где бы ни скрестила русская рать мечи с монголо-татарскими саблями, будь то река Калка (1223 г.), или река Сить (1238 г.), или река Пьяна (1377 г.), – везде позор, везде поражение. За какими бы крепостными стенами ни прятались русские князья, будь то Рязань, или Владимир, или Суздаль, или Киев, или Чернигов, или Галич, – везде смерть и разорение. Казалось, что враг непобедим, и страх перед татаринном вошел в плоть и кровь русского народа, в его генетическую составляющую.

Ужасную картину представляло для Руси батыево разорение. Население Русской земли в результате трех с половиной лет войны сократилось на одну треть, а в княжествах, через которые прошло основное нашествие (Рязанское и Владимиро-Суздальское), оно сократилось в два раза. Если учесть, что на Руси до монголо-татарского нашествия проживало 6-8 млн. человек, то убито было не менее двух-двух с половиной миллионов человек. В процентном отношении это более чем в два раза больше, чем за годы Великой Отечественной войны (тогда погиб каждый седьмой житель Советского Союза, или 27 млн. чел.). Кроме того, на Волгу был уведен большой полон.

Почти все города княжеств, кроме Новгородской земли, Смоленского и Полоцкого княжеств, были сожжены или разрушены. Так, археологи подсчитали, что из 74 изученных ими древнерусских городов домонгольского периода 49 (или две трети) были разорены Батыем. Причем 14 из них так и не поднялись из развалин, еще 15 городов не смогли восстановить былого значения и превратились в села. Так, погибла Старая Рязань (современная Рязань стоит на другом месте); Белгород Рязанский (он так и не был восстановлен и сейчас неизвестно даже его точное месторасположение); погиб и рязанский город Воронеж (только в 1586 г. на его месте построили острог для защиты от набегов крымских татар). Был уничтожен довольно-таки известный в то время город Дедославль – центр земли вятичей и главный город на тульской земле (лишь в 1553 г. здесь была построена дубовая крепость, а сейчас на месте города вятичей стоит большое село Дедилово). А сколько русских городов остались известны только археологам? Например, навсегда были утрачены после батыева разорения такие тульские города, как Корнике, Волконск, Рославль, Свиноск, Польский, Микитин на Плаве. В наше время хорошо изучены лишь остатки древнерусского города *Корнике*. По имени этого города в свое время была названа одна из местных засек – Карницкая, или Корницкая.

В 1238 году татарами была сожжена деревянная Москва, в этом же году погиб город Козельск, прозванный Батыем «Злым городом». В 1239 году татары сожгли Чернигов, а в 1240 году погиб Киев – «мать городов русских». В нем из двух тысяч домов осталось всего несколько домов, из 40 тыс. жителей – несколько сот человек. Погибли многие памятники культуры, в частности, известная Десятинная церковь (Успенская церковь). Итальянский купец Плато Карпини, побывавший на Руси вскоре после батыева нашествия, сообщал в своем труде «История монголов», что последние «произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей... Когда мы ехали через их земли, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле».

Кроме того, монгольское вторжение явилось печальным рубежом в истории России, так как последовавшее затем татарское иго задержало развитие страны на сто пятьдесят-двести лет, причем именно в тот момент, когда передовые страны Западной Европы начали особенно быстро развиваться. Был законсервирован натуральный характер хозяйства страны, в то

время как на Западе развивалась цеховая промышленность и начался процесс первоначального накопления капитала. На Руси наблюдался упадок каменного строительства и исчезновение ряда сложных ремесел, например, изготовления стеклянных украшений.

Монголо-татарское нашествие стимулировало натиск на Русь сил Запада. И это не только крестовые походы шведов и немецких рыцарей, но и агрессия Литвы и Польши. В результате в XIII веке Русская земля была разорена и затем разорвана надвое могучими силами Запада и Востока. Юго-Западная Русь оказалась под властью Литвы и Польши, а Северо-Восточная Русь оставалась под властью Золотой Орды. С этого момента каждая из русских областей пошла своим историческим путем.

Власть Золотой Орды над Северо-Восточной Русью, или Великим княжеством Владимирским, заключалась в выдаче князьям ярлыков (разрешений) на княжение в своем княжестве, в том числе ярлыка на «великое княжение», и в так называемом «выходе», т. е. уплате дани деньгами и кровью, т. е. участием русских войск в завоевательных походах золотоордынских ханов. Правда, дань кровью, благодаря Александру Невскому, была вскоре отменена ханами.

Кроме того, малейшее неподчинение ханам каралось опустошительными набегами, которые на Руси прозвали «ордынскими ратями». В русских летописях отдельные нашествия назывались по имени их предводителей. Первой такой «ратью» после батыева погрома была «Неврюева рать», посланная на Русь в 1252 году, чтобы предотвратить восстание, готовящееся великим князем Андреем Ярославичем против Батыева. По свидетельству летописца, «Неврюева рать» нанесла Северо-Восточной Руси больший ущерб, чем поход Батыева. Особенно часто походы золотоордынских ханов на Русь совершались во второй половине XIII – первой четверти XIV вв. Так, только за 1275–1300 гг. произошло 15 походов. Наиболее значительными были «Дюденева рать» в 1293 г. (по имени предводителя Тудана); «Токтомерева рать» в 1295 г. (по имени предводителя Токтомеря); «Федорчикова рать» в 1327 г. (по имени предводителя Федорчука). Ордынские рати всегда приводили к разграблению русских земель. Только «Дюденева рать» закончилась разорением 14 городов. Страшная «Федорчикова рать», насчитывавшая около 50 тыс. воинов, полностью разгромила и сожгла тверские земли. Как писал летописец, «и людей множество погубиша, а иных в плен поведоша, а Тверь и все грады огнем пожгоша».

Естественно, что у каждого русского человека события тех времен вызывают гнев, печаль и сожаление о тех «злогорьких» временах. Но давайте обратимся к анализу событий, который дает нам русская религиозная мысль.

В русских летописях тех лет и историко-эпических произведениях, в частности, в «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Слове о погибели Русской земли», которое было написано между 1238 и 1246 годами, звучит мысль о том, что *нашествие татар было Божией карой за грехи русских людей*. Как говорит летописец, «за грехи наши и неправды, за умножение беззаконий наших наслал Бог поганных, не их милуя, а нас наказывая, дабы воздерживались от злых дел. И этими наказаниями наказывает нас Бог, нашествием поганных, это ведь батог Его, дабы мы опомнились и воздержались от дурного пути своего» (Из Тверской летописи). В первую очередь за грехи князей, делает вывод современный наблюдатель, допустил Бог такое бедствие на Русской земле: «Из-за гордости и высокомерия князей допустил Бог такое. Ведь много было князей храбрых и надменных, и похваляющихся своей храбростью» (Из Тверской летописи).

Но Бог милостив, Он дал Русской земле передышку на сорок лет, так называемую «великую тишину».

Это было с 1328 по 1368 год, когда не случалось татарских набегов и войн с Литвой. «И бысть отголе тишина на сорок лет, и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и опочиша христиане от великия истомы и многыя тягости и отъ насилия татарскаго, и бысть отголе тишина велика по всей земли», – писал летописец.

За время «великой тишины» русская земля подготовилась в духовном, экономическом и политическом смысле к новым тяжким войнам и испытаниям. В.О. Ключевский писал: «Время с 1328 года по 1368 год, когда впервые пошел на Северо-Восточную Русь Ольгерд Литовский, считалось порой отдыха для населения этой Руси, которая за это благодарила Москву. В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целые два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринцом: они-то и вышли на Куликово поле».

«Великая тишина» – это как бы синоним странствия евреев по Синаю, когда Моисей 40 лет водил свой народ по пустыне, пока не умерли все те, кто был рожден в рабстве в Египте, и не народилось поколение свободных людей. Так и на Руси за 40 лет «великой тишины» народилось новое поколение, не ведающее страха перед татарами.

«Великая тишина – это было время правления Москвой великого князя Ивана I, прозванного Калитой за то, что всегда носил при себе мешок с деньгами – калиту – для раздачи милостыни бедным, и его сыновей – Симеона, прозванного Гордым, и Ивана II, прозванного Кротким. А также это первые годы правления Великим Московским княжеством малолетнего Дмитрия Ивановича при регентстве митрополита Алексия. Именно при этих князьях началось возвышение Москвы и возрождение Русской земли.

А с чего началось возрождение Русской земли? *С духовной составляющей. С возрождения монастырей, с монастырской колонизации.*

В дремучих северных лесах собиралась братия, строили храмы, кельи, возводились крепостные стены. Так возникли главные и знаменитые монастыри, среди которых был *Троицкий монастырь*, основанный в 1337 году «великим печальником о земле русской» *преподобным Сергием Радонежским* (1314-1392). Около монастырей стали селиться крестьяне, появились сёла. Они разрастались, превращались в посады или даже в города. В монастыре можно было помолиться, спрятаться за его крепостными стенами от врага.

Вслед за монастырями стало возрождаться сельское хозяйство. Крестьяне начали постепенно восстанавливать свои подворья, вводили в оборот заброшенные участки и осваивали новые земли. На пустошах и лесных полянах вырастали *починки* – новопостроенные деревни в один, два и более дворов. Хотя крестьянская колонизация в основном шла на север, где было безопасней жить, тем не менее много таких деревень-починок появилось на тульской земле как прообразы будущих больших сел.

Стали возрождаться старые (Владимир, Суздаль, Рязань) и молодые города (Тверь, Нижний Новгород, Москва). Появлялись новые города. Города были не только княжескими резиденциями, но и центрами ремесла и торговли.

Возродились и старые тульские города (Тула, Белев, Новосиль), появились новые (Алексин, Одоев, Венев, Кашира), хоть в то время они были больше похожи на сторожевые пункты и резиденции удельных князей, чем на торгово-ремесленные центры.

Наиболее возвысившиеся и разбогатевшие в торговле города стали претендовать на центры объединения русских земель. В XIV веке главный спор за первенство на Руси шел между *Москвой и Тверью*.

Новые военные испытания выпали на Русскую землю в княжение великого московского князя Дмитрия Ивановича, прозванного Донским. Впрочем, его ранее княжение, когда он был в отроческом возрасте, прошло относительно спокойно. А князем он стал после смерти отца, в возрасте девяти лет.

Дмитрий родился в 1350 году и был сыном Иоанна Красного и великой княгини Александры, внуком Иоанна Калиты, праправнуком святого благоверного великого князя Александра Невского.

В «Слове о житии и о преставлении князя Дмитрия Иоанновича», написанном, предположительно, Епифанием Премудрым в последнее десятилетие XIV века, говорится: *«Воспитан же был он в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога».*

Детство Дмитрия прошло под непосредственным влиянием святого митрополита Алексия, который фактически заменил девятилетнему князю отца. Неудивительно, что воспитательное воздействие святого развило собственные высокие качества Дмитрия. В том же «Слове» о нем написано: *«Еще юн был он годами, но духовным предался делам, праздных бесед не вел и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал. И Священное Писание всегда с умилением он слушал, о церквах Божских усердно заботился... С чистой душой и ясным умом держал земное царство и готовил себя к небесному, и плоти своей не угождал».*

В 1359 (или 1361 – по другим предположениям) году Дмитрий был вынужден предпринять путешествие в Орду. Поездка грозила смертельной опасностью, но будущий глава государства должен был собственными глазами увидеть положение дел: соприкоснуться с врагом, уже более века мучившим родную землю.

На время ярлык был утрачен – малолетнему князю московскому Орда предпочла суздальского князя Дмитрия Константиновича, «мужа зрелого». Однако в 1362 году в результате очередного переворота в Орде пришел к власти хан Мурут, который, не без содействия митрополита Алексия, направил великокняжеский ярлык с послом в Москву. Суздальский же князь не захотел пропустить Дмитрия Московского во Владимир, куда тот шел венчаться на великое княжество. Но, увидев полки Москвы, в страхе бежал. Дмитрий, достигнув Владимира, прошел здесь древний обряд вокняжения, а в 1366 году укрепил союз с Суздалем браком с княжной Евдокией Дмитриевной, которая до последних дней его и своей жизни была верна венчанию с великим князем Дмитрием Ивановичем.

Когда Дмитрий возмужал, на его долю выпали ратные подвиги. Для защиты от нападения врагов по приказу князя в 1367 году началось строительство первого каменного кремля. Кремль был построен из белого камня, отчего в песнях и преданиях Москва осталась «белокаменной».

Вначале Москва вела борьбу с Литвой и ее союзниками – тверским и смоленским князьями. «Первая литовщина» произошла осенью 1368 года, когда литовский князь Ольгерд с союзниками стоял под Москвой, но не смог взять ее, смутившись видом каменного кремля. Затем последовал второй поход Ольгерда на Москву в 1370 году, тоже завершившийся неудачей для литовцев.

В 1371 году тверской князь Михаил отправился в Орду просить ярлыка для себя. Новый хан Золотой Орды решил дать его Михаилу. В Москву же был направлен ханский посол с оскорбительным приглашением Дмитрию Иоанновичу во Владимир на венчание Михаила. И здесь великий князь, приобретший мудрость и силу государственного правителя, поступил как свободный человек, истинный хозяин положения. «К ярлыку не еду, а в землю на княжение

Владимирское не пушу, а тебе, послу, путь чист», – изрек он. Дмитрий Иоаннович перекрыл путь Михаилу во Владимир, ордынский же посол, прибывший в Москву, был встречен великим князем любезно, что в какой-то мере подготовило дальнейший его успех. В этом же году Дмитрий Иоаннович отправился в Орду, чтобы прекратить происки Михаила. На этот поступок, как и на прочие свои важные политические действия, великий князь имел благословение митрополита Алексия. Восьмидесятилетний старец сопровождал его до самой Коломны. Великий князь вернулся в Москву с ярлыком.

Ни одного значительного государственного решения Дмитрий не принял без благословения Церкви. Три фигуры, облеченные духовным саном, оказались ключевыми в его жизни: это *святитель Алексий, преподобный Сергий Радонежский* и *Феодор Симоновский*, впоследствии архиепископ Ростовский.

Укрепление политического лидерства Дмитрия Ивановича на северо-востоке Руси, а именно на территории Великого Владимирского княжества, подконтрольного Золотой Орде, вызвало новую агрессию Ольгерда Литовского и Михаила Тверского. Последовал третий поход Ольгерда на Москву в 1372 году.

В этой литовской агрессии на великорусские земли большую роль сыграл город Алексин. Так, еще в 1361 году воины литовского князя Ольгерда напали на Алексин и разорили его жителей. А в 1372 году, во время третьего похода Ольгерда на Москву, недалеко от Алексина, у города Любутска (ныне село Красное), сошлись литовское и московское войско. В авангардном бою москвичи разбили сторожевой литовский полк, после чего Ольгерд отступил. Несколько дней оба войска стояли на противоположных склонах безвестного оврага, а затем разошлись, и Ольгерд с Дмитрием заключили мир.

Поражение Ольгерда помогло Дмитрию расправиться с Тверью, когда в 1375 году он организовал общерусский поход против тверского князя Михаила, принудив его подчиниться Москве.

Затем Москва начала жестокую борьбу с Золотой Ордой. В Золотой Орде после захвата ханской власти темником Мамаем (1374-1382) прекратились внутренние усобицы, и Мамай решил восстановить прежнюю власть над русской землей. Он потребовал от Дмитрия Ивановича как от великого князя покорности и уплаты прежней дани. Тот отказался признавать власть Мамаю и платить дань. Это означало начало открытой войны с Золотой Ордой.

Что же побудило Дмитрия Ивановича отказаться от политики союза с Золотой Ордой, которую начал проводить еще Александр Невский (ведь Русь считалась вассалом Золотой Орды, ее залесным улусом)? Чтобы ответить на этот вопрос, надо окунуться в эпоху Александра Невского и Дмитрия Донского. Во времена Александра Невского Русь была как бы между молотом (Золотой Ордой) и наковальней (католическим Западом). Отбиться от двух врагов сразу Русь не могла (было слишком мало сил), и нужно было делать выбор между Востоком и Западом. Александр Невский пошел на вынужденный союз с монголами, во-первых, потому, что язычники-монголы (в отличие от католиков) православной вере не угрожали. Во-вторых, монголы русскую землю не оккупировали, а лишь рассматривали ее как вассальную территорию с собственной администрацией и собственными войсками.

Что же изменилось в эпоху Дмитрия Донского? Ни о каком союзе с Западом не было и речи, католический Запад оставался злейшим врагом Руси. Но определяющим стало то, кем являлся Мамай и какую политику он проводил. Во-первых, Мамай не был прямым потомком Чингисхана (Чингизидом), и Дмитрий Донской не признавал его ханом Золотой Орды. Во-вторых, Мамай через генуэзцев, имевших свои колонии в Крыму (Крым был тогда ставкой Мамаю), вошел в тайный союз с Римским папой по организации крестового похода против

Руси. Кроме того, Мамай и его подданные были мусульманами (Золотая Орда приняла ислам в первой четверти XIV века), и никакой веротерпимости со стороны монголов уже не было. По свидетельствам современников, Мамай говорил своим князьям и вельможам: «Захватчу землю Русскую, и церкви христианские разорю, и веру их на свою перемену, и повелю поклоняться своему Магомету. А где церкви были, тут мечети поставлю и баскаков посажу по всем городам русским, а князей русских перебую». Таким образом, Мамай грозил уничтожением православной веры и оккупацией всей Руси. Поэтому Дмитрию Донскому ничего больше не оставалось, как принять вызов объединенных сил Востока и Запада. Возможно, именно тогда появилась русская пословица: «Много нам бед наделали хан крымский да папа римский».

Первым войну начал Мамай. В 1375 году его орда сожгла город Кашин. В 1376 году ответный ход сделал Дмитрий. Он совершил поход на Волжскую Булгарию. Русские войска осадили город Булгар и, несмотря на наличие у врагов пушек – невиданного по тем временам оружия, вынудили его к сдаче.

В то время в ходе ордынской борьбы за власть сибирский хан Хызр со своими полками захватил все Поволжье. Объединенная Западная Сибирь и Поволжье стали называться теперь *Синей Ордой*. В ней в 1377 году при поддержке правителя Средней Азии Тимура, или Тамерлана, ханом стал *Тохтамыш*. Он был одним из потомков Джучи старшего сына Чингисхана. Это стало еще одним предлогом для Дмитрия Ивановича не признавать власти Мамаю и стать союзником Тохтамыша в его борьбе за власть над всей Ордой.

В другой части Золотой Орды, которая называется *Белой Ордой*, ханом оставался Мамай. Она занимала территорию Причерноморья, где основным населением были придонские половцы.

В 1377 году большое войско царевича Арапши из Белой Орды разорило Нижегородское княжество и разбило московско-суздальское войско на реке Пьяне. В 1378 году Мамай посылает на Москву мурзу Бегича с отборной золотоордынской конницей (20-30 тысяч). На реке Воже в Рязанском княжестве неприятельское войско было встречено дружиной князя Дмитрия и рядом союзных ему князей. Силы были равные, русские, отбив атаку татарской конницы, нанесли ей ряд фланговых ударов, и впервые за всю историю войн Руси с монголо-татарами враг побежал. Как повествует летопись, «и посекли множество побежавших татар».

В битве на реке Воже русские войска одержали первую крупную победу в открытом поле над ордынцами. Но поражение на реке Воже еще более распалило злобу Мамаю – он стал готовиться к большой войне с Москвой, чтобы как «второй царь Батый пленить всю Русскую землю». Свой поход на Москву Мамай планировал на осень 1380 года, поэтому он сказал своим подданным «хлеба не сеять, но быть готовыми на русские хлеба».

На пути к Дону Великому

Редко можно найти такое событие в русской истории, которое было бы так увековечено в народной памяти. Во-первых, сведения о Куликовской битве были записаны во всех русских летописях и во многих западноевропейских хрониках, среди которых в первую очередь надо выделить «Краткую летописную повесть о Куликовской битве» и «Пространную летописную повесть о Куликовской битве». Во-вторых, память о ней сохранилась в ряде эпических произведений древнерусской литературы, среди которых «Задонщина, или слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамая» Софония Рязанца, «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», и «Житие Сергия Радонежского», написанные Епифанием Премудрым, и, наконец, «Сказание о Мамаевом побоище».

Не прошли мимо этого события русские поэты и писатели. Александр Блок, продолжая цикл «На поле Куликовом», писал:

*Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...
На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.
И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»
Я – не первый воин, не последний.
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!
8 июня 1908*

Приближался грозный 1380 год. Мамай готовил новый поход на Москву, чтобы покончить с ее успехами по объединению северо-восточных русских княжеств и сплочению русского народа в борьбе с Ордой. Но это был уже не очередной карательный набег, а большой поход, сравнимый разве только с нашествием Батыя на Русь в 1237-1240 годах.

В этот поход Мамай собрал не только войска всех своих улусов, но нанял и наемников с Кавказа и Поволжья («бесерменов»), а также из Крыма («фрязей», генуэзцев) и даже рыцарей из Европы. Особенно было опасно, что он вступил с союз с давними противниками Москвы – новым литовским князем Ягеллом (Ягайло) и рязанским князем Олегом Ивановичем. Правда, последний на деле уклонялся от борьбы и даже посылал Дмитрию некоторые сведения разведывательного характера. Поэтому князь Дмитрий, вступив впоследствии на рязанские земли, не велел разорять рязанские города и села.

Мамай предложил союзникам встретить его «на реке Оке, на Семень день», т. е. 1 сентября по старому стилю. Он хотел захватить инициативу и, выйдя к линии обороны по Оке,

вторгнуться в центр Русской земли. В середине лета 1380 года Мамай, перейдя Волгу, подошел к устью реки Воронеж. Дальнейшее продвижение Мамаю было медленным и осторожным. Он поджидал литовскую помощь, которую обещали ему послы Ягайло.

Дмитрий Иванович знал о приготовлениях Мамаю через своего посла Захария Тютчева и разведывательную стражу московского боярина и воеводы Семена Мелика. Он посылает стражи (разведки) в «Дикое поле». Вначале была предварительная стража – это «крепкие сторожевые по имени Родион Жидовинов, да Андрей Попов, сын Семенов, да Федор Стремен Милюк, и иных 50 человек удалых людей двора великого князя». Ордынские разъезды сумели схватить «сторожей», когда они объезжали стан Мамаю, но одному из них, Андрею Попову, удалось бежать из плена. 23 июля 1380 года он прискакал в Москву и сообщил великому князю: «Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реке на Воронеже!».

Великий князь Дмитрий Иванович посылает в степь новую, или первую, стражу (Василия Тупика, Родиона Ржевского, Андрея Волосатого и Якова, сына Андрея Осляби, и с ними 70 юношей). А вслед за ней вторую стражу (Климентя Полянина, Ивана Свеславина, Григория Судакова и Фому Кацибя и еще 33 удалыца). Сам же князь немедленно начал «собирать воинства много и силу великую, соединяясь с князьями русскими и князьями местными». Полкам было назначено собираться в Коломне. Между тем «с Поля» приходили новые тревожные вести. А вскоре от московского посла Захария Тютчева, посланного в ордынский стан, пришло сообщение о присоединении к Мамаю рязанского князя Олега и литовского князя Ягайло.

Эти сведения заставили Дмитрия Ивановича выбрать наступательную тактику. Во-первых, нужно было предотвратить соединение врагов и разгромить их поодиночке, начав с самого опасного – Мамаю. Во-вторых, необходимо было перехватить стратегическую инициативу, смело выйти с войском к Дону и разгромить ордынцев в генеральном сражении.

Первая стража захватила «языка нарочитого царева двора», от которого в Москве узнали о планах Мамаю. Теперь можно было переходить к активным действиям. И утром 20 августа по новому стилю великокняжеские полки по трем дорогам выступили из Москвы в Коломну.

Ни одно, даже самое малое дело не делается без промысла Божьего, а тут – борьба с самым заклятым и сильным врагом Руси – Ордой. Естественно, она должна была иметь духовное благословение.

И знаки этого духовного благословения были посланы. Как раз перед выступлением великого князя против татар произошло – как Божественное знамение – чудесное событие. Вот как об этом пишет летописец: *«Во Владимире на Клязьме, в храме Рождества Богородицы, где почивали мощи благоверного князя Александра Невского, один инок видел, как у его гроба сами собой загорелись свечи, как подошли два светоносных старца (св. Петр и Алексий) и сказали: „Восстань, Александр, на помощь сроднику своему великому князю Дмитрию Ивановичу, одолеваемому врагами“. И Александр Невский встал на зов старцев, как живой, из гробницы».*

А когда 20 августа после молебнов в Московском кремле войско великого князя вышло из трех кремлевских ворот, возле каждых стояли священники, которые благословляли ратников и кропили их освященной водой. По пути к Коломне, у села Брашева, великий князь увидел на одном из деревьев образ святителя Николая. Восприняв это явление как благоприятный знак, он воскликнул: «Сие место угреша мя!» («Это место греет мне душу!»). Здесь впоследствии был построен Николо-Угрешский монастырь.

Когда же произошел сбор общевоинских сил в Коломне, после праздника Успения Пресвятой Богородицы, Дмитрий Иванович посетил Троицкую обитель. Митрополита Алексия уже не было в живых (умер в 1378 г.), а нового митрополита Киприана, сторонника Литвы,

князь недолюбливал. Оставался преподобный Сергей Радонежский, «печальник Земли Русской», к нему для благословения на битву и поехал великий князь. Вот как об этом говорится в «Сказании о Мамаевом побоище»:

«Князь же великий Дмитрий Иванович взял с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, поехал к Живоначальной Троице на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой той обители. И упросил его преподобный игумен Сергей, чтобы прослушал он святую литургию, потому что был тогда день воскресный и читалась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании же литургии просил святой Сергей со всею братьею великого князя, чтобы откушал хлеба в доме Живоначальной Троицы, в обители его. Великий же князь был в замешательстве, ибо пришли к нему вестники, что уже приближаются поганые татары, и просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: “Это твое промедление двойным для тебя послушанием обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся”. Князь же великий откушал хлеба у них, а игумен Сергей в то время велел воду освящать с мощей святых мучеников Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встал, и преподобный Сергей окропил его священной водою и все христолюбивое его войско и осенил великого князя крестом Христовым – знаменем на челе. И сказал: “Пойди, господин, на поганых половцев, призывая Бога, и Господь Бог будет тебе помощником и заступником”, – и добавил ему тихо: “Победишь, господин, супостатов своих, как подобает тебе, государь наш”. Князь же великий сказал: “Дай мне, отче, двух воинов из своей братии – Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь”. Старец же преподобный велел тем обоим быстро готовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное – крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать его на себя. И передал их в руки великого князя, и сказал: “Вот тебе мои воины, а твои избранники”, – и сказал им: “Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины, за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами”. И осенил Христовым знаменем все войско великого князя – мир и благословение...».

И ополчилась русская земля на Мамаю. Вот как писал Софоний Рязанец в своем поэтическом произведении «Задонщина»: *«Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские на берегу великого Дона».*

Общерусский воинский сбор был назначен в Коломне на праздник Успения Пресвятой Богородицы (15/28 августа). Сюда, помимо княжеских дружин великого князя Дмитрия Ивановича (Москва) и его двоюродного брата князя Владимира Серпуховского (Серпухов), собрались князья и бояре с дружинами из городов Великого княжества Московского: Дмитрова, Звенигорода, Владимира, Юрьева, Переяславля-Залесского, Углича, Можайска, Коломны, Костромы.

Также на клич Дмитрия Ивановича откликнулись союзные Москве князья из Белозерского княжества (Белозерска, Каргополя, Кеми, Каргомолы, Андома), Ростовского (Ростова и Великого Устюга), Ярославского (Ярославля и Малоги), Тарусского княжества (Тарусы и Оболенска), Новосильского, Елецкого, Муромского, Мещерского, Стародубского княжества.

Вот как повествует об этом «Сказание о Мамаевом побоище»: *«И пришли к нему князья Белозерские, готовы они к бою, и прекрасно снаряжено войско, князь Федор Семенович, князь*

Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья; пришли и ярославские князья со своими полками: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский и прочие многие князья».

Но не откликнулись на зов Москвы давние ее соперники Олег Рязанский и Михаил Тверской. Даже тесть Дмитрия Ивановича, суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, не прислал своих дружин зятю. А также новгородские бояре и смоленский князь Юрий уклонились от войны. Но и из этих земель пришла помощь в Коломну. Пришли на войну с Мамаем некоторые смоленские и дорогобужские князья с дружинами, пришел холмский князь из тверских владений, некоторые суздальские князья и ополченцы из Новгорода и Пскова, о чем повествуют летописи и сказания.

Всего собралось в Коломне до 70 князей, не считая многочисленных бояр-воевод, простых ратников и ополченцев. Никогда еще Русь не выставляла на поле боя столь многочисленное и хорошо организованное войско. «От начала миру не бывала такова сила русских князей», – с гордостью заявлял летописец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.